

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ К «РЕЧИ О ПУШКИНЕ»

Предисловие и публикация И. В. Иваньо

Произнесенная Достоевским 8 июня 1880 г. на заседании Общества любителей российской словесности «Речь о Пушкине» произвела на слушателей поистине потрясающее впечатление. Как представители либерального западничества, так и славянофилы, и даже часть народнической молодежи, увидели в ней событие исторической важности. В какой-то степени речь своим успехом обязана ораторскому мастерству Достоевского. Оратор не только раскрывал национальное и всемирное значение поэзии Пушкина, но и связывал художественные открытия Пушкина с историческими задачами русского общества, на долю которого, по мысли Достоевского, выпала миссия выступить в качестве примирителя всеевропейских противоречий. «Примирительная» речь Достоевского была явлением глубоко противоречивым, — только этим можно объяснить тот факт, что она, на короткое время, примирила с Достоевским представителей таких различных взглядов, как Аксаков, Тургенев и Глеб Успенский. Не случайно после появления в газетах речь Достоевского вызвала их возражения, ибо ни взгляда Достоевского на значение Пушкина, ни его взгляда на современные задачи русского общества они не разделяли¹.

Для самого Достоевского идеи знаменитой речи были выстраданными: она подвела итог многолетним духовным исканиям писателя.

Новая система убеждений внутренне готовилась еще в годы каторги и частично сказалась уже в творчестве 60-х годов.

Не случайным было и то, что свои новые взгляды Достоевский связывал именно с творчеством Пушкина. Творчество Пушкина было предметом постоянных раздумий писателя. Рассуждения об этом занимают большое место в программных литературно-критических статьях Достоевского во «Времени» и в «Эпохе» (ср. «Г.-бов и вопрос об искусстве», «Книжность и грамотность», «Ответ „Русскому вестнику“ и др.).

В 70-е годы в «Дневнике писателя» Достоевский опять неоднократно возвращался к этому вопросу. Рассуждения о крупнейших литературных явлениях — о Некрасове, о Толстом, он сводит к утверждению, что всем лучшим в своем творчестве они обязаны Пушкину (ср., например, статью «Анна Каренина» как факт особого значения» или декабрьский номер «Дневника писателя» 1877 г.).

Однако законченное выражение эти мысли нашли только в последнем литературном выступлении Достоевского — в «Речи о Пушкине».

Но, несмотря на то, что идеи, легшие в основу этого выступления, долго вынашивались писателем, они не сразу обрели ту полноту, сжатость, простоту выражения, какими отмечена речь о Пушкине, являющаяся вершиной критико-публицистического мастерства Достоевского. Речь его художественна по построению и очень убедительна по чувству.

Недаром Аксаков назвал речь Достоевского «гениальной». Даже Тургенев, идейный антипод Достоевского, в письме к Стасюлевичу (см. стр. 113) признал, что «это очень умная, блестящая и хитроискусная, при всей страстности, речь».

Творческая история речи любопытна во многих отношениях, но прежде всего она свидетельствует, что эта законченность далась Достоевскому только в результате длительного и упорного труда. По количеству рукописей, наиболее полно отражающих различные этапы работы над произведением, из всех сочинений Достоевского (пуб-

лицистических и художественных) с «Речью о Пушкине» может соперничать только роман «Подросток».

Самый ранний период работы запечатлен в различных черновых набросках на отдельных листах. Два этапа отражает черновик речи, переплетенный А. Г. Достоевской вместе с черновиками «Объяснительного слова» и «Ответа Градовскому» (I и III главы «Дневника писателя» 1880 г.) в общую тетрадь, которая была подарена в 1891 г. Публичной библиотеке в Петербурге, где и хранится в фонде рукописей. Центральная ее часть — очерк о Пушкине — опубликована В. Б. Враской под ред. Д. И. Абрамовича с указанием на те поправки, которые явились результатом вторичного обращения к рукописи (ср. «Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы». Под ред. А. С. Долинина. Сб. 2. Л. — М., 1924, стр. 509—536). Публикация лишена каких-либо других текстологических примечаний и историко-литературных комментариев.

Наборная рукопись, также переплетенная в общую тетрадь «Дневника писателя» 1880 г., написанная рукой А. Г. Достоевской, находится в ЛБ. Ее расхождения с черновиком очень незначительны.

Наконец, сохранилась даже часть корректурных листов с авторской правкой.

Таким образом, все этапы работы Достоевского над речью о Пушкине отражены весьма полно.

Очень интересен самый ранний этап работы. Несколько черновых набросков хранится в рукописном отделе ИРЛИ (ф. 100, № 29502. ССХб. 22). Часть их (2 листка in folio), была опубликована В. Б. Враской («Вестник литературы», 1921, № 2, стр. 5—6; а также «Радуга». Альманах Пушкинского Дома. Пб., 1922, стр. 260—270).

Предлагаемые наброски из того же собрания ИРЛИ (из той же папки) представляют собой три небольших рукописи размером в $20,5 \times 13,1$; $20,6 \times 13,1$; $20,6 \times 13,1$ и объемом в 2,2 и 4 страницы соответственно — всего 8 страниц текста (ср. «Описание рукописей Ф. М. Достоевского». М., 1957, стр. 85—86), написанного мелким почерком в разных направлениях. Все поля, а также свободные места между первоначальными набросками заполнены записями более позднего времени. На некоторых страницах второй и третьей рукописи имеются пометки и цифры, сделанные с целью установить последовательность текста.

Записи на рукописях не одновременны. Они отражают по крайней мере трехкратное обращение к ним автора. Об этом свидетельствуют как различные чернила, так и само расположение более поздних записей, вставленных в промежутках между более ранними, или вынесенных на поля.

Как известно, 2 мая 1880 г. Общество любителей российской словесности обратилось к Достоевскому с просьбой произнести речь по случаю открытия памятника Пушкину. Достоевский был внутренне давно подготовлен связать с творчеством Пушкина судьбу самых дорогих для него убеждений. Надо полагать, что он сразу принялся за работу, и тут же набросал основные мысли, которые он желал высказать. 19 мая в письме Победоносцеву Достоевский сообщал о том, что речь свою о Пушкине он подготовил. Следовательно, основная часть очерка о Пушкине была написана между 2 и 19 мая 1880 г.

Итак, рукописи отражают самый ранний этап работы. Они предшествуют черновику речи, хранящемуся в ГПБ. Однако в первой рукописи содержится запись, сделанная, вероятно, несколько ранее и, может быть, вне связи с речью о Пушкине. Она расположена в конце второй страницы в направлении, обратном основному тексту. Все остальные записи в трех рукописях объединены общей темой и единой целевой установкой. Некоторые записи повторяются на нескольких страницах с той или иной степенью различия.

В первой, наиболее фрагментарной рукописи, можно встретить в тезисной форме главные мысли всей речи, но большинство записей относится к характеристике народности Пушкина, как самой существенной черты его таланта. Здесь приведен ряд образов и сцен, в которых эта особенность Пушкина сказалась наиболее полно. Среди них обращает на себя внимание пересказ Достоевским содержания небольшого отрывка из «Капитанской дочки». В сцене расправы Пугачева над защитниками Белогорской

БИЛЕТЪ № 254

для входа

НА ТОРЖЕСТВЕННОЕ СОБРАНИЕ

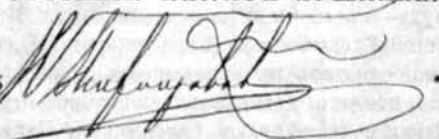
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

4 июня

26 Мая 1880 года,

ПОСВЯЩЕННОЕ ЧЕСТВОВАНІЮ ПАМЯТИ ПУШКИНА.

Ректоръ

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ ДОСТОЕВСКОГО НА ТОРЖЕСТВЕННОЕ СОБРАНИЕ
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА, ПОСВЯЩЕННОЕ ПАМЯТИ ПУШКИНА, 4 ИЮНЯ 1880 г.

Подписан ректором Университета Н. С. Тихонравовым

Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

крепости, по мнению Достоевского, Пушкин глубоко верен народности. Достоевский восхищается тем, что писатель раскрыл типичные черты русского человека, например, то удивительное простодушие, с которым казаки подбадривают обреченного на виселицу. Достоевский ставит в заслугу Пушкину то, что он, верный дворянским традициям, тем не менее не лишил человечности образ «озверевшего» Пугачева и увидел в нем не только «русского плута», но и «добродушную русскую душу».

Любопытно здесь упоминание в этом же контексте «великой государыни». Говоря о лишенном всякого высокомерия взгляде поэта на русского человека и на явления русской жизни, Достоевский проводит параллель между рассказчиком Белкиным и повествователем в «Капитанской дочке»: «Это Белкин посмотрел на Капитанскую дочку...» По мнению Достоевского, Пушкин до такой степени перевоплотился, что «всякая мысль о подделке, об идеализации исчезает, ступшевывается», что «не подпишешь Пушкин» под произведением, «можно подумать, что рукопись действительно найдена».

Относительно много внимания Достоевским уделено здесь «иноку-летописцу». Записи позволяют предполагать, что Достоевский думал сначала обосновать свое понимание народности Пушкина, анализируя этот образ. О том, что эта мысль не лишена оснований, говорят и фрагменты из двух других рукописей. В них упоминается о подвигах христианских подвижников, «побеждавших свою плоть» и овладевавших «духом своим до высочайших размеров свободы и нравственной силы».

Представляет интерес и уже упоминавшаяся запись (самая ранняя). Она касается очень интересного вопроса об отношении Пушкина к своему дворянскому происхождению, которое нашло выражение в «Моей родословной» и «Родословной моего героя». Может быть, эта запись возникла как впечатление от опубликованного в «Русской старине» (1879 г., декабрь) автографа «Моей родословной». Возможно, она представляет собой осколок каких-нибудь неизвестных записей. Но несомненна ее тематическая связь с теми двумя отрывками, которые были опубликованы В. Б. Враской. Подобно им, он не вошел в содержание речи. В этом отрывке Достоевский, развивающий тезис о народности Пушкина, берет под свою защиту произведения, за которые поэт подвергался

«нападкам» в демократической критике, в частности в статьях Белинского. Достоевский оправдывает гордость Пушкина своим происхождением, говоря, что поэт восхищался «доблестью» предков.

По словам Достоевского, стихи Пушкина вызваны раздражением против Булгарина и других «писак русских», дразнивших его. Однако отрывок не позволяет судить, к какому окончательному выводу пришел бы Достоевский.

Вторая рукопись носит менее фрагментарный характер.

Посредством вставок, пометок и цифр устанавливается хронология текста, целые куски которого почти без изменения были перенесены в последующие черновики речи, а потом и в самую речь.

Во многом содержание записей в третьей рукописи повторяет мысли предыдущей. Интересны записи, вскрывающие связь между сегодняшней позицией писателя и его прошлым политическим опытом. Характеризуя Алеко, Достоевский вскользь упоминает о Фурье: «Укажите ему тогда систему Фурье, который еще тогда был не известен, и он с радостью бы поверил в нее и бросился бы работать для нее, и если б его сослали за это куда-нибудь — почел бы себя счастливым...». К той же мысли Достоевский возвращался в «Ответе Градовскому» (ср. черновик ЛБ, ф. 93, II.16/2).

Интересно отметить и оказавшееся зашифрованным в окончательном тексте указание на то, что «этого страдальца, в котором отразился век и современный человек», Пушкин отыскал в себе гораздо более, чем у Байрона, а это значит, что Достоевский признавал духовное родство Пушкина с образом скитальца.

Вместе с тем образ скитальца сближается Достоевским с типом современного революционера-нигилиста:

«Наши *фантазеры* <подчеркнуто автором>, наши скитальцы продолжают и до сих пор свою деятельность и если не ходят в цыганские таборы, то ходят в народ, ибо тот же в них недуг, что в Алеко и Онегине, — все тот же человек, только в разное время явившийся и в разных видах осуществившийся. Это общий русский тип, во весь теперешний век». Если сравнить приведенные слова с соответствующим местом окончательного текста, то можно легко обнаружить, что Достоевский смягчил свою мысль. Откровенно враждебный тон по отношению к «фантазерам» заменяется более сдержанной характеристикой. По поводу «общего русского типа» появляются оговорки, которые преумножают образ скитальца как типично русского человека (XII, 378).

Наброски речи о Пушкине свидетельствуют о том, что, прежде чем приняться за ее написание, Достоевский обратился к текстам пушкинских произведений. Следы чтения Пушкина обнаруживаются во всех набросках, включая и те, которые были опубликованы Враской. В фрагментах содержится около пятнадцати скрытых или явных цитат из произведений Пушкина. Перечитывая Пушкина заново, Достоевский стремился найти среди пушкинских образов такие, которые, по его мнению, наиболее полно и ярко иллюстрировали бы его нравственные идеи. Достоевский затрагивал весьма обширный круг произведений Пушкина, могущих «подтвердить» правильность выдвигаемой им концепции. Записи в виде отдельных фраз или просто упоминаний образов и произведений убеждают в том, что в самом начале речь о Пушкине мыслилась Достоевским на широком фоне критического разбора пушкинского творчества. Очевидно, предполагалось дать анализ даже тех произведений, которые могли быть выдвинуты в качестве возражений против его понимания народности Пушкина. Такова цель критического разбора стихотворения «Поэт и чернь» в рукописи, опубликованной Враской, характеристика героев «Капитанской дочки» и др. Многие из этих отрывков или вовсе не вошли даже в черновик или, будучи включенными в черновик и в наборную рукопись (по которой производилась речь), не были произнесены, и Достоевский исключил их при печатании как в «Московских ведомостях», так и в отдельном издании «Дневника писателя» 1880 г. Из художественных произведений Пушкина в речи был оставлен только анализ «Цыган» и «Евгения Онегина» с подробной характеристикой образов Алеко, Онегина, Татьяны, вокруг которых Достоевский и сосредоточил свои основные выводы. Надо полагать, что сокращение критических наблюдений над различными произведениями Пушкина и выбор указанных двух вызван не только стремлением к цельности впечатления от устного выступления, выигрывающего от краткости. Оче-

видно, Достоевский считал, что большее значение для проповеди его идей имеют «Цыганы» и «Евгений Онегин», где дан образ скитальца и воплощен народный идеал.

Разбор же произведений, подтверждающий и без того убедительную мысль о народности Пушкина, мог дать повод для недоумений. Характерно, что, дорожа впечатлением от своей речи, Достоевский напечатал ее в том же виде, в каком она была произнесена. Так, он исключил из нее упоминание о Наташе Ростовой, имя которой хотя и было произнесено, но не было услышано среди оваций.

Вопрос о связи творчества Пушкина с его предшественниками и современниками, литературная и общественная борьба того времени находились за пределами внимания Достоевского-оратора. Однако в ранних отрывках содержались сравнения Онегина с Чацким и Мировых с Простаковыми. Эти параллели могли вызвать посторонние ассоциации и, возможно, поэтому были исключены. Ни о Фонвизине, ни о Грибоедове в речи не упоминается.

Из критиков Пушкина Достоевский ссылается на Гоголя. Имени Белинского он не упоминает, но в целом ряде записей ведет с ним полемику; вся его характеристика образа Татьяны построена на возражениях Белинскому.

Основная часть записей публикуемых рукописей, как в этом можно легко убедиться, составила основу всего очерка о Пушкине. В фрагментарной, тезисной форме здесь содержится все то, что в более или менее развернутом виде, а иногда и без всяких изменений, было перенесено в окончательный текст.

Черновые наброски еще в большей степени, чем речь, опубликованная в «Дневнике писателя», отражают непримиримые противоречия мировоззрения Достоевского.

(1)

1. Понявший и правду его, что наметил уже в иноке-летописце.

Но ведь несчастен и Онегин? Позвольте тут другой вопрос, я вот как думаю.

Никогда еще ни один русский писатель не соединялся так духовно и родственно с народом.

До сих пор все это господа об народе пишущие.

И эта черта в Пушкине столь ярка, что ее нельзя не заметить и не отметить как главнейшую его особенность, какой ни у кого не бывало. Тут такая особенная черта, что ее нельзя не заметить.

Его умилительной любви к народу. Эти — казаки подталкивают его на виселицу: небось — нет он не пропустил этой черты.

А сам Пугачев озверел и добродушная русская душа, русский плут. Сама великая государыня

Серьезно

Эти все, эти все картины...²

Всемирная отзывчивость. Пушкин — положительное подтверждение этой мысли.

Отметив так этого скитальца гениальным чутьем своим, угадав его первый в русской действительности с исторической судьбой его, — отметив этот отрицательный тип, Пушкин дал начиная с Татьяны и типы положительные —

инок³.

Инок — не идеал, все ясно и осязательно, он есть, и не может не быть.

Даже и теперь как господа.

А главное в правду свою Пушкин верит, никогда не подпадет высокомер<ию>.

Это Белкин посмотрел на Капитанскую дочку. Один тот (?) рассказ.

Это рассказывает старинный человек, как будто тут и нет искусства, сам наивно написавший, не подпишись Пушкин, то можно подумать, что эта рукопись действительно найдена, можно ошибиться.

В этом сродстве духа с родною почвою и самое полное доказательство правды, пред которым всякая мысль о подделке, об идеализации исчезает, стусевывается. //

Небось, небось, — не пропустил же Пушкин этой черты.

Чуть соприкоснулся с почвою стал на великую дорогу. Великая дорога — это соприкосновение с великими идеалами общечеловеческими, это и есть назначение русское.

Славянофильство — и западничество.

Нет строгих разделений, организм.

НВ. Это несет подражание, не усвоение. Это перерождение.

— НВ. Дух народа — усвоение всего общечеловеческого. Позволительно думать, что природа или таинственная судьба, устроив так дух русский, устроила это с целью. С какой же?

А вот именно братского единения в апофеозе последнего слова любви, братства и равенства и высшей духовной свободы — лобызания друг друга в братском умилении.

И это нищая-то Россия.

Царь Небесный в рабском виде ⁴.

И Христос родился в яслях.

Это не мечта.

НВ. После Пушкина это не мечта — Пушкин — факт.

Если б умер кто, на Куликовом поле, право, было бы приятно.

И Пушкин именно таких разумел:

Мстислав, князь Курбский, иль Ермак ⁵.

Этот и потомков не оставил и не аристократ, стало быть, Пушкин именно — разумел доблесть, доблестных предков —

не давить хотел он аристократическим происхождением.

Да и кого давил Пушкин, боже мой!

Но его раздражали, его дразнили аристократом писатели русские и между прочим Булгарин ⁶.

Почему не ответить хоть и Булгарину, хотя бы и в шуточных стихах? [Дразнили его] Превозносились перед ним вельможеством и действительно происшедшие от Митюшки-целовальника.

Стихотворение могло и идти всем в ответ.

Во всяком случае гордиться [предка] происхождением от Мстислава, по крайней мере так же простительно, как и от Митюшки-целовальника, ибо есть гордившиеся демократизмом и происхождением от Митюшки-целовальника ⁷ — //

〈2〉

2) Слышится вера в русский характер, вера в его необъятную духовную силу, а коль вера, стало быть, и надежда, великая надежда [в] на русского человека

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни ⁸,

Сказал он сам потом —

Вся деятельность Пушкина в этом 2-м периоде есть...

Но что поражает, это умилительное

Я не говорю о величавом образе инок.

— Посмотрим Медведя ⁹

Сказка о Медведе: все это сокровища для будущих * художников, для будущих [творцов] работников, делателей * на этой ниве. Положительно можно сказать: не было бы Пушкина, не было бы и последующих талантов, которые не проявились бы и не выразились, несмотря на всю свою силу. Но и не в творчестве, не в поэзии лишь одной дело: не было бы Пушкина, не определилась бы, может быть, в такой самостоятельной силе, в какой это явилось потом, — наша вера в нашу русскую самобытность, наша сознательная уже теперь надежда в наши народные силы и в твердый грядущий путь нашей деятельности (наше отношение к европейскому гению, наше умение различать среди европейских гениев — духов добрых и злых).

Вот перед этим-то грядущим Пушкин и стоит перед нами как указание и пророчество. Но чтоб разъяснить эти силы, надо 3-й самостоятельный период.

Ибо назначение русского человека — есть всеевропейское и всемирное, оставаясь русским. Но что значит в этом смысле остаться самостоятельно русскими. Оно именно и значит внести примирение в европейские противуречия **, дать исход европейской тоске, вместить с братской любовью в свою душу всех наших братьев великого арийского племени и, может быть, впоследствии, в конце концов изречь окончательное Слово всепримирения, всесоединения в великой и общей гармонии братства евангельского ***, единения людей. Вот какую надежду оставил нам Пушкин. И действительно: взгляните на третий период его деятельности: Коран, Древний Рим, Испания, Англия ¹⁰.

— И как подумать что деятельность эта только что начиналась ****!

Мои слова могут показаться кому-нибудь теперь восторженно преувеличенными и фантастическими. Пусть, но я не раскаиваюсь, что я их высказал. Этому должно было быть высказанным. Я же сам твердо верю в правду мною высказанного.

Байрон. 1-й период. Говорят о каких-то подражаниях.

ВВ. «Цыганы»

Разве бывают с такой страстною духовною силою подражатели? В «Цыганах», например, поэме, бесспорно относящейся к первому периоду деятельности Пушкина.

Одно написано раньше, другое позже.

Навеки (?) оторвавшись от почвы, он не знает и не понимает никакой жизни.

Он не у себя, он не дома, он не знает, что ему делать [на своей ниве], и чувствует себя у себя же самого чужим, там, в тех счастливых, по его мнению, странах, где жизнь, кажется ему, кипит горячим стремительным ключом, полна, самостоятельна. Правда *****, он болен уже и вечным идеалом. Это тот же Алеко, искавший идеала, — правда, и он любит родную землю, но родной правде он не доверяет, верит в невозможность работы на родной ниве, а на верующих в эту возможность глядит с грустной насмешкой. Не такова Татьяна: У той инстинкт.

У ней и крест и тень ветвей ¹⁴.

* Над строкой.

** Над строкой: все примирить, все европейские различия

*** Над строкой: Христова

**** Слева на полях: Молодой казак, именно молодой¹¹, а не старый.

Светская повесть «Пиковая дама»¹².

Ведь он забыл ее совершенно и увидя ее в светлом величии...

***** Над строкой: Фурье <?>¹³

Но манера глядеть свысока заставила его не узнать * Татьяну, что не «нравственный эмбрион»¹⁵ она только. Правда, мешала и светская манера, фатство, рабство и лакейство души перед авторитетом. Явился Чайльд Гарольд¹⁶ оттудова, из своего места ** и влюбись в маленькую девочку Татьяну, покажи ей уважение, и Онегин тотчас же был бы поражен *** и удивлен, конечно, на время, ибо никакая Татьяна не наполнила бы проклятую беспредметную тоску его — тотчас же бы оценил высоко прелестную девушку и на время возвел бы ее в свой идеал. Но этого не случилось, там все Зарецкие и Ленские, которых он презирает откровеннейшим образом. Он отделался фатской проповедью, хотя и показал себя честным человеком.

Но вот он встречается ее уже знатной придворной дамой. Нет, она не то, что Онегин. Кто сказал, что ее уже успел развратить модный свет и тщеславие — если не развратить, то по крайней мере испортить и отравить — нет, у ней все те же крест и тень ветвей и 1-й идеал в душе. О, как она искренна в ту минуту! Но зачем она не отдалась Онегину? Кому верна, зачем верна? — Тому, кто ее любит. Тут трагедия — соблазнительная честь¹⁷.

О не мщение женщины, но зачем она не отдалась ему.

Кто он? Нет, это он нравственный эмбрион.

Великий Государь. Ах как это добродушно и хорошо...

Зверства и русской доброты¹⁸.

⟨3⟩

Думаете ли вы, что это есть в западной литературе, так ведь это чудо, ведь надо же это сознать. Это столь оригинально, [что и] в этом-то и есть пророческое. В чем же пророчество?

Алеко, стремление к мировому идеалу. Беспокойный человек, фантастическая жизнь у цыган. И вот при первом столкновении обагрят руки кровью.

Его прогоняют.

Оставь нас, гордый человек¹⁹

Не то, чтобы цыганы были тот идеал общества, но даже и цыганам-то он не годится

Переделать весь мир — и чуть личность — кровь.

Мы — нет у нас закона ****

Овладей собою сначала, и увидишь рай. Это уже указание. Это уже русским духом повеяло. Не безграничная личность, а смирись, подчини себя себе, овладей собою, — что, впрочем, и есть самое сильное проявление личности, и не требуй прав человечества, не то первый позовешь на помощь закон. Да, тем и кончишь. Когда ты первый их не достоин и первый в этом идеальном обществе производишь диссонанс своей злобой и жадностью наслаждений даром, за которые ничем нравственно не хочешь платить. Такой силы мысль — не есть только подражание.

* Над строкой: не от

** Над строкой: туда, в эту деревню, и заметь Татьяну

*** Над строкой: на нее

**** Между строк.

Скоро Пушкин перешел во 2-й период. Еще в Онегине в 1-х главах слышится.

Это не строго отмежевано.

Но посмотрим на Онегина, разве это не всецело русский человек, русская тоска тогдашнего времени?

Это тоже Алеко — оторванный от почвы.

Европа и удел всего арийского племени нам также дороги, как Россия, удел всего арийского племени есть русское дело, родное нам, прирожденное, наша сущность, наш идеал.

4-й период. Может быть, Пушкин дал бы великие положительные типы красоты русской.

Все эти славянофильства и западничества — все это лишь одно великое недоразумение [прост]. Правда, [необ] исторически необходимое в просыпающемся русском сознании, но которое, конечно, исчезнет, когда русские люди взглянут прямо на вещи в глаза.

Овладей собой и узнаешь правду и станешь достойнейшим праведником — наступит и для тебя золотой век.

Ведь это мысль русская, ее сознает и народ. Он читает ее в жизни первых христианских подвижников, побеждавших себя и плоть свою и выставивших до страшного значения силы, видевших Христа так, что и земля не могла вместить их.

Откликнуться на все духи //

Их прошлое для нас — дорогие и родные могилы, их будущее — это наше родное дело, наш идеал братства племен и народов.

Удел той бедной и презираемой еще нами земли, которую в рабском виде царь небесный исходил благословляя. — Чего нам стыдиться — нашей бедности, нищеты. И Христос родился в яслях. Но вот мы выставляем поэта, дух которого откликнулся на все духи...

Пушкин явился как раз в самом начале правильного самосознания нашего и деятельности нашей после Петровской реформы и появление его чрезвычайно осветило нашу дорогу.

В этом смысле Пушкин есть и пророчество и указание. Я делю деятельность Пушкина на три периода, был бы, может быть, и четвертый период, но бог судил иначе, и смерть взяла нашего великого поэта в самом полном развитии его духа и сил.

Я не буду смотреть критически. Говорят, он в первом периоде (строгих разграничений нет).

Онегин как бы начинается еще в 1-й период, а кончается в самой полной силе второго.

Моя мысль о пророчестве и таинственности для нас значения Пушкина.

Фантастический Алеко (в противоположность Онегину) реальный пришел к цыганам. Это тот гордый и страдающий человек, жаждущий мирового счастья, который первый *, чуть коснется до него, потребует закона терзающего и казнящего.

О, эту мысль сознает и народ, и хоть не всегда исполняет ее в своем смрадном и угнетеннейшем разврате, но [молится ей] чтит ее со слезами как святыню, верит ей и молится ей со слезами. О, пока еще он знает ее в том, что ему всего драгоценнее в религиозных идеалах своих — в святынях, величии умерщвленной плоти и овладения духом своим до высочайших размеров свободы и [силы] нравственной силы.

* Между строк: чуть не по нем, ничего не поняли <?>

ПРОГРАММА
ЛИТЕРАТУРНОГО ЧТЕНИЯ
В ПАМЯТЬ А. С. ПУШКИНА,
УСТРОЕННОГО
ЛИТЕРАТУРНЫМ ФОНДОМ
19 ОКТЯБРЯ 1880 г.,
ПРИ УЧАСТИИ ДОСТОЕВСКОГО
Достоевский читал сцену из «Скуп-
ного рыцаря» и стихотворения «Как
весенней теплой порою» и (сверх
программы) «Пророк»
Музей-квартира Ф.М. Достоевского,
Москва

ОБЩЕСТВО
ДЛЯ ПОСОБИЯ
НУЖДАЮЩИМСЯ
литераторамъ и ученымъ.
Въ Воскресенье, 19-го Октября, въ 2 часа,
ВЪ ЗАЛѢ
С.-П.-Б. ГОРОДСКАГО
КРЕДИТНАГО ОБЩЕСТВА
(у Александринскаго театра).

ЧТЕНИЕ
ПРОИЗВЕДЕНІЙ ПУШКИНА.
ПРОГРАММА:

1. 19 Октября 1825 г.	прочтеть Я. К. Гротъ.
2. «Изъ моря»	П. И. Вейнберга.
3. «Далъ береговъ отъ казни дальней»	Гр. А. А. Галени-
цкая Кутузова.
4. 19 Октября 1827 г. {	Д. В. Григоровичъ.
5. 19 Октября 1831 г. {	Ф. М. Достоевскій.
6. «Утоленникъ»	М. Г. Славина.
7. Изъ «Скупнаго рыцаря», сцена 2 (подкал).	
8. Изъ «Евгенія Онегина», главы 3-я строфы
XXXI—XXXV (пѣсьма Татьяны)	
9. «Брестъ-ли» и «Моя улитка»	А. Н. Писарева.
10. «Безумный въ утѣшеніи»	Д. В. Григоровичъ.
11. «Жидартъ въ Салери»	Ф. М. Достоевскій.
12. «Какъ весенней теплой порою»	И. В. Горбуновъ.
13. Изъ «Варска Годунова», сцена въ корнѣ
на Литовской границѣ	Я. К. Гротъ.
14. 19 Октября 1836 г. {	
15. «Памятникъ»	

Печатать доводится 14-го Октября 1880 г. И. д. Градоначальника
Генералъ-Маюръ Бездоровъ.
Тип. Имп. Соб. театр. (Вуверъ Гопп), Вагнеръ, пр., № 53.

И тогда узришь Христа, не убьешь и не растерзаешь, а простишь и полюбишь, не призовешь защиты (?) закона себе в помощь, ибо сам исполнишь его.

Это тот же Алеко — но в более реальной постановке — Пушкин реалист, как(их) еще не бывало у нас.

От своих отстал, к чужим не пристал, жаждущий внешних идеалов — внешней спасающей силы.

Укажите ему тогда систему Фурье, который еще тогда был неизвестен, и он с радостью бы поверил в нее и бросился бы работать для нее, и если б его сослали за это куда-нибудь //

почел бы себя счастливым, нашлась бы внешняя мировая деятельность до 1-го разочарования, разумеется. Но тогда еще не было системы Фурье. Полюбить же работу тогда, как и теперь, было невозможно, стать своим между своими было невозможно. Не то что не в моде, а просто невозможно, а просто абсурдом. Идеалов в своей земле у него не было. И вот Татьяну он не узнал *. Явись Чайльд-Гарольд —

Нет, если кто был нравственный эмбрион, так это он, Онегин.

ВВ! Стань она вдовой, она и тогда бы не пошла за ним.

Если б она верила в него, она бы пошла за ним [может быть]. Русская женщина идет, если верит. Это она доказала. Но во что было верить Татьяне?

* Над строкой: родной

В подражаниях никогда не появляется столько самостоятельности страдания и той глубины самосознания, которую выразил Пушкин в своем Алеко. Не говорю уже о творческой силе и о стремительности духа, которой не было бы, если бы он только подражал.

Представляет уже русскую мысль, уже начало мощной самостоятельности.

Действительно, в типе Алеко слышится мощная самостоятельность.

Пушкин уже отыскал этого страдальца, в котором отразился век и современный человек ²⁰, и [отыскал] нашел, конечно, в себе самом [гораздо более чем], а не у одного только Байрона.

Конечно, гораздо более в себе, чем у Байрона *

Наши фантазеры, наши скитальцы продолжают и до сих пор свою деятельность и если не ходят в цыганские таборы, то ходят в народ, ибо тот же в них несут что в Алеко и Онегине, — все тот же человек, только в разное время явившийся и в разных видах осуществившийся. Это общий русский тип, во весь теперешний век. Правда, огромное большинство русских, как тогда, служит, и, конечно, мирно в чиновниках, или в казне, или в железных дорогах, но ведь это только... ведь главный-то нерв этих русских. Коснись этих чиновников звук и мысль, озарись их ум самосознанием, и они запоют то же самое. Что же поет Онегин. О, он тоскует, что под ним нет почвы, хотя в Алеко еще и не умеет этого правильно высказать.

Один еще на ногах, а другой уже дошел до запертой двери. Что в том, что один еще и не начал думать, [еще] а другой уже дошел до запертой двери. Всех одно ожидает, если же поворотят на спасающий путь. //

Сват Иван ²¹, Медведь — это любование. Это любовь.

Умилительная любовь (не в той и другой ловко и умно подмеченной черте народного быта и характера, столь мастерски явившейся в последующих писателях и у самых лучших из них, все еще с некоторой высокомерностью взгляда, все еще с оттенком чего-то из другого общества и быта, а просто какая-то умилительная любовь к народу, к душе его и вере, преклонение перед величием духа его.

Много бы сделал да и прикосновение к народу открыло вдруг Пушкину новые горизонты 3-го периода его деятельности (Европа). *Самое важное.*

3-й период. Жадная русская душа, возлюбившая столь много в народе русском, соединившаяся с ним и прикоснувшаяся к почве, как бы разом окрепла и ощутила в себе богатырские силы и невиданные пирочайшие стремления. Да, воссоединение с гениями Европы есть [назначение, цель и] исход русской силы к величайшей цели.

Но однако же вот явилась душа, вместившая все духи и гении мира, не внешне, а органически, как бы свое родное — и это уже есть указание, пророчество и указание.

Финал Онегина: Русская женщина, сказавшая русскую правду, — вот чем велика эта русская поэма.

Тут другой вопрос: Не кому и чему отдана, а кому и чему отдаться? Да если б она освободилась, она бы не пошла за ним.

Прозвучал темперамент женщины, и это нам как бы дороже, что она не совсем Мадонна, не совсем идеал. Тут мучение, тут трогательно; тут человек!

* На полях слева: и вот обгагрят руки кровью и что же, даже цыганам не годится, не то что для мирового идеала.

О, она уже давно поняла его, она еще там, в глуши, девушкой, почти поняла его.

Увидеть барский дом нельзя ли ²².
Уж не пародия ли он?

И Христос родился в яслях, может и у нас [явится] родится новое слово.

Пока однако у нас Пушкин.

Духи и гении Европы. Это не даром, этим многое обозначается, вот тут [и]-то и пророческое значение Пушкина.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Ср. письмо Тургенева к М. М. Стасюлевичу 13 июня 1880 г. (И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. XII, кн. 2. Л., «Наука», 1967, стр. 272) и вторую статью Г. И. Успенского в «Отечественных записках» (1880, № 7).

² «Капитанская дочка»: картина расправы Пугачева над защитниками Белогорской крепости (глава VII) и сцена встречи Маши Мироновой с Екатериной II (глава XIV). Указания на первую картину в набросках встречаются несколько раз. В черновом тексте речи и в наборной рукописи Достоевский развернул их в более широкую характеристику, которая, однако, не была произнесена и не вошла в печатный текст.

³ Имеется в виду летописец Пимен из трагедии «Борис Годунов».

⁴ Неточная цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева «Эти бедные селенья...» (1855). Повторяется и далее.

⁵ Вторая строка V строфы «Родословной моего героя». Вот ее контекст:

Кто б ни был ваш родоначальник,
Мстислав, князь Курбский, или Ермак,
Или Митюшка целовальник, —
Вам все равно...

⁶ ...Писаки русские толпой
Меня зовут аристократом («Моя родословная»).

⁷ См. примеч. 5.

⁸ Неточное название «Сказки о Медведихе» Пушкина.

⁹ Первые строки стихотворения Пушкина «Стансы» (1826).

¹⁰ *Коран, Древний Рим, Испания, Англия...* — т. е. произведения Пушкина на всемирные сюжеты: «Подражания Корану», «Египетские ночи», «Каменный гость», «Пир во время чумы» и др. В черновом и печатном тексте названы произведения.

¹¹ Вероятно, персонаж из поэмы «Полтава».

¹² «Пиковая дама» в речи о Пушкине не упоминается.

¹³ Шарль Фурье (1772—1837) — выдающийся французский социалист-утопист.

¹⁴ Имеются в виду две последние строки XLVI строфы восьмой главы «Евгения Онегина»:

Где нынче крест и тень ветвей
Над бедной нянею моей...

¹⁵ Это выражение принадлежит Белинскому. В десятой статье о Пушкине он писал, между прочим: «Да это уголовное преступление — не подорожит любовью нравственного эмбриона...» Выражение встречается во всех рукописях речи о Пушкине и всегда в полемическом плане.

¹⁶ Герой романтической поэмы Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда» (1812). Имя Байрона и его героя встречается в набросках несколько раз.

¹⁷ «Евгений Онегин», глава восьмая, конец XLIV строфы.

¹⁸ Вероятно, речь идет об образе Пугачева. Ср. примеч. 2.

¹⁹ Цитата из поэмы «Цыганы». В черновом варианте и в печатном тексте «Речи» полнее:

Оставь нас, гордый человек,
Мы дики, нет у нас законов,
Мы не терзаем, не казим...

²⁰ Слова Пушкина о книгах, которые читал Онегин:

Да с ним еще два-три романа,
В которых отразился век
И современный человек
Изображен довольно верно...

(«Евгений Онегин», глава седьмая, строфа XXII).

²¹ «Свет Иван, как пить мы станем» — стихотворение Пушкина (1833).

²² Начало XXII строфы и конец XXIV строфы седьмой главы «Евгения Онегина». В XVII—XXV строфах описано посещение Татьяной усадьбы Онегина.